

Моё сознание, моё тело и я — все живут в одном месте. Но похоже, что мы три совершенно разных человека — разъединённые.

*Рупи Каур*

Правду не обретёшь, сидя на месте и благостно улыбаясь. Горе, утраты, гнев — вот шаги на дороге к истине. Мы идём к ней через свои тайные комнаты и давние страхи, все те дебри и пустоши, от которых нам велели держаться подальше. Когда ступим туда, оглядимся, вздохнём и уживёмся с увиденным — тогда и прорежется голос. Вот этот миг и есть возвращение домой.

*Энн Ламотт, писатель*

**Б**ородатый татуировщик выводил контур дракона на белоснежной коже предплечья.

— Делаем без огня? — уточнил он.

Девушка кивнула, наблюдая за тем, как у дракона появлялись глаза, пасть и хвост, она чуть прикусила губы, удерживая стон, — боль была несильной, но ощутимой.

Боль физическая не ранила настолько, насколько боль, обитавшая внутри, — острая тоска, которую она чувствовала каждый день, сколько себя помнила.

Она исследовала эту свою тоску и наконец через медитации и практики своего гуру увидела его. Дракона. Он проникал в неё, вламываясь через грудь, а затем покидал, и каждый раз, уходя, оставлял после себя лишь разрушение и хаос — пронзительную душевную боль. Гуру посоветовал сделать татуировку, чтобы её личный дракон охранял от того дракона, источника её боли.

Кто он, этот дракон, имеет ли он отношение к тому, что она не ощущала радости от жизни, и как это можно исправить? Как сделать так, что-

бы она могла испытывать удовольствие от своего тела, отношений, которым не позволяла случиться? На все её многочисленные вопросы гургу только грустно улыбался и говорил: «Дай себе время».

*Десять лет спустя*

— У кого-то есть зажигалка? — раздалось тихое всхлипывание.

— Ща. — Огонь осветил лицо черноволосой женщины.

— Девочки, мы все здесь пропадём. — То же всхлипывание нарушило тишину.

— Спокойно, мы найдём путь обратно, но придётся остаться на ночь, сейчас темень, пойдём утром.

— Господи, ты представляешь? Провести ночь в пещере? Здесь же наверняка змеи или мыши, — раздался тревожный голос. — Ай, девочки, похоже, кто-то ползёт! — К тревоге примешался страх.

Раздалось уже не всхлипывание, а истеричный вой.

— Ну вот, разбудили в себе Диких Женщин, придётся теперь сидеть в пещере и делать на скальные рисунки!

— И надеяться, что нас спасёт мачо с дубиной, — хмыкнул кто-то.

## СЕМЬ ПОЧТИ СЧАСТЛИВЫХ ЖЕНЩИН

---

— Ты так ничего и не поняла, никого ждать не надо. Мы сами. Нет силы мощней, чем женская.

Раздалась музыка из телефона.

— Девочки, пока телефон не разрядился, предлагаю всем помедитировать. Дышим и просим мать-землю помочь нам.

— Ты просто тронулась, а я пошла искать, где тянет телефон, и вызывать службу спасения. Кстати, там всегда такие мужики симпатичные. — Тут же в ответ раздался нервный гогот.

# 1

## Сара

*За три месяца до этого*

Сара закрыла ноутбук, провела рукой по его матовой бронзовой поверхности, открыла верхний ящик стола и достала оттуда айфон. Во время работы она убирала телефон, чтобы не отвлекаться. Все самые важные рабочие разговоры происходили в специальной программе, а звонить по личным вопросам ей особо некому. Есть пара контактов, конечно, но не так чтобы отвлекаться во время рабочего дня. На экране телефона появились оповещения из Тиндер. Сара пролистала и поморщилась: надо удалить эту бесполезную программу. Всё равно она не выполняет свою основную функцию.

В офис заглянул красивый молодой парень с зализанными назад белыми волосами:

— Сара, я вам нужен?

Девять вечера пятницы, конечно, парень хочет идти к друзьям веселиться.

— А ты занёс все данные сегодняшнего собрания в таблицу?

Парень сглотнул и помотал головой.

— Ну вот. — Сара встала, взяла сумочку, направилась к двери и прошла мимо красавца, от него пахло дешёвым одеколоном; сколько раз она просила не пользоваться этим кошмаром на работе.

— Хорошо, пойду тогда. — Парень покорно направился к себе, ссутулившись.

Сара вышла в коридор. Она взяла ассистента мужского пола чисто из практических целей. Он точно не забеременеет и не выйдет замуж. Это звучало вразрез ценностям её компании, которая ратует за равные права, но именно поэтому она выбрала Зено: чтобы не остаться вдруг без ассистента.

Ну, и из-за имени тоже. Раз уж она должна произносить его имя по несколько раз в день, пусть будет что-то приятное. Конечно, она обратила внимание на его опыт, образование, но выбрала по имени и потому, что у него были идеальные ногти. Она обернулась, ни тени ненависти на его лице, девять вечера, таблица «Эксель», наверняка он будет проклипать её все выходные.

— Ладно, иди уже, я пошутила. Сделаешь в понедельник.

Зено облегчённо выдохнул.

— Спасибо, хороших выходных! — Он кинулся собираться, словно боялся, что Сара передумает.

Сара вызвала лифт. Зено выглянул, но, увидев Сару, пискнул, что кое-что забыл. Не хочет

заходить в лифт с начальницей, держит дистанцию. Она даже немного завидует тому, что её ассистент отправится сейчас к своим шумным друзьям танцевать, пить и точно заниматься сексом, в отличие от Сары.

Сара спустилась на парковку и села в свою чёрную «Вольво». На экране навигатора зажглось «добро пожаловать». Автомобиль мягко тронулся. Всё-таки «Вольво» подходит ей идеально. Машина — как сама Сара. Солидная и надёжная.

Пятница, вечер, Зено ждут друзья в баре, а Сару ждёт кошка. Она могла бы отправиться на свидание с тем красивым мачо или брутальным спортсменом из Тиндер. Но у Сары просто не было энергии. К тому же оргазм был не гарантирован, а она стремилась к тому, чтобы каждый отрезок её дня приводил к чему-то толковому. Поэтому с Тиндером пора завязывать. Он не оправдывает её ожиданий, пора его уволить.

«Вольво» ехала мягко, Сара почти не дотрагивалась до руля, установив режим, при котором машина ехала на той же скорости все последующие километры. Вот бы и в жизни так. Включила режим — и всё идёт как по маслу, так же надёжно и добротнo, как её «Вольво». Сара усмехнулась: это могла быть хорошая реклама. Нет, к сожалению, в жизни совсем не так.

Сара бы не отказалась от этой автоматизации и по части удовольствия. Вот если бы при встре-

че существовал такой прибор, который измеряет возможность испытать оргазм с тем или иным мужчиной. Подносишь незаметно во время ужина, и он показывает тебе шансы от нуля до десяти. Если ноль, то можно сразу же уходить. То же самое можно было придумать по части зачатия. Прежде чем идти на свидание, хорошо бы проверить эти два фактора. Удивительно, что, со всеми инновациями в мире, никто об этом ещё не подумал. Сара ухмыльнулась своим футуристическим мечтам. С тех пор как она попала в финтек, её воображение насчёт инноваций работало удивительным образом, видимо, сказывалось участие в тематических конференциях и работа с инженерными командами.

«Вольво» мягко сообщила, что ей пора заправиться. И что она могла сделать это через пять километров. Именно такого она хотела от отношений с мужчинами. Чтобы они были предсказуемы. Да, понятно, нереально требовать от живых существ такого, они же не роботы, но мыкание последние пять лет, с тех пор как Сара поняла, что ей почти сорок, а теперь уже и за сорок, по настоящему беспокоило Сару.

Она нажала на газ, прибавив скорости, словно пытаясь убежать от толпившихся в голове тревожных мыслей о возрасте.

«Ускорить процесс поиска мужчины для зачатия и собственно само зачатие» — вот что она написала в анкете при регистрации на ретрит.



## 2

### Женя

Чёрный «Мерседес» съехал с трассы и оказался на просёлочной дороге, лежавшей между кипарисами и пиниями. С обеих сторон простирались бархатные зелёные поля, там и сям виднелись верхушки башенок и замков. Водитель, симпатичный парень в белой рубашке, сообщил ей и другим пассажиркам, что до виллы осталось ехать десять минут.

Женя смотрела в окно и искала море. Она читала, что где-то недалеко оно здесь есть, интересно, включён ли пляж в программу.

Сердце Жени билось непривычно громко, так она обычно чувствовала себя перед свиданием, хотя свидания последних лет заканчивались неудачно.

Слово «неудачно» она употребляла в своей жизни часто. Неудачный цвет волос, неудачное стечение обстоятельств. Она возлагала на это мероприятие большие надежды. Если сравнить все те разы за последние годы, когда она собиралась на свидание, с сегодняшним днём, ей было тревожней обычного. Но тревога была приятной, она щекотала и вызывала смесь радости и волнения. Женя вспомнила далёкое забытое чувство, когда накануне Нового года, 31-го вечером, она уходила к себе в комнату, точно зная, что наутро под ёлкой появится подарок. Он появится там

наверняка. Это единственное, в чём Женя была уверена в своём детстве. Так вот сейчас она испытывала похожие ощущения. Словно она точно знала, что её ждёт какой-то подарок.

Машина свернула между огромной магнолией и белым домиком (боже, как это живописно!) и продолжила свой путь среди бархатных полей.

У Жени возникло ощущение, что она попала в какое-то другое измерение, волшебный портал. Это ощущение волшебства не могла испортить даже мама, сидевшая рядом. Каждые десять минут мама смотрела на карту в телефоне и делала метки, «чтобы, если что, найти дорогу обратно».

Мама была чуточку тревожной («чуточку» можно и убрать) — так говорила Женина подружка); в принципе, Женя привыкла к этой маминой особенности, но иногда, когда они ехали куда-то вместе или выбирались за пределы дома, мамина тревожность бросалась в глаза сильнее. Хорошо, что они в машине не одни, при чужих людях мама стеснялась показывать и свою излишнюю заботу, которой она так напрягала Женю.

После десяти минут полей с подсолнухами перед ними возникла розовая вилла, а за ней промелькнула голубая полоска бассейна. Металлические кованые ворота со скрипом отворились, и машина въехала на территорию сада, заполненного пальмами, магнолиями и двумя огром-

ными эвкалиптами. Женя хорошо учила ботанику в школе, это точно были эвкалипты.

Машина остановилась, из неё одна за другой вышли пассажирки.

На пороге двухэтажной виллы, у распахнутой настежь деревянной резной двери стояла пышнотелая женщина лет шестидесяти в клетчатом зелёном платье и белом фартуке.

— Добро пожаловать, синьоре белле! Меня зовут Мария, — представилась она и развела руки в стороны, словно хотела обнять каждую из них.

Женя еле сдержалась, чтобы не подойти и не прильнуть к этой уютной, внушающей спокойствие пожилой даме.

— Заходите, мы вам всё здесь покажем, — Мария показала рукой внутрь здания.

По другую сторону от двери стояла девушка вдвое тоньше Марии, но в таком же зелёном платье и белом фартуке и также радушно улыбалась.

Внезапно раздалось громкое рычание. В распахнутые кованые ворота проскочил мотоцикл и, сделав крутой вираж по парковке, остановился. Мотоцикл был красно-чёрным, с металлическими, сияющими на солнце деталями и заострённой стремительной формой в конце, словно у мотоцикла был хвост.

Мария нахмурилась и двинулась вперёд, намереваясь выяснить, что здесь делает мотоцикл. В этот момент мотоциклист снял шлем, и Женя

ахнула. Мотоциклистом оказалась красивая загорелая женщина с ежевично-чёрными волосами. Она сняла куртку, явив свету красивую грудь и усеянные татуировками руки. Женщина достала увесистый рюкзак и вразвалочку направилась к входу.

Мария смущённо поздоровалась на итальянском, а мотоциклистка ответила ей на русском языке:

— Привет, я — Регина.

Мария улыбнулась, повторив её имя помощнице. Помощница ответила на итальянском, восхищённо повторив имя несколько раз. Женя стояла рядом с Марией, поэтому услышала, как она переводит Регине:

— Она назвала вас королевой, Реджина по-итальянски — королева.

Видимо, буква «г» в имени Регина было непривычно для итальянского слуха.

Регина хмыкнула, закрутила волосы в хвост и продолжила идти к вилле. Женя заметила на её шее сзади ещё одну татуировку.

Женя давно хотела себе татуировку, но мама постоянно её отговаривала. Вот и теперь, заметив, как Женя пялится на Регину, шепнула ей: «Ты ж не хочешь так же». Женя привычно закатила глаза. Она надеялась, что мама не будет вести себя подобным образом все десять дней, иначе Женя сойдёт с ума. Она и так не была до конца уверена, хорошая ли это идея, приехать на

ретрит с мамой. Хотя, рассмотрев всех участниц, Женя поняла, что скучно ей не будет. Особенно теперь, когда прибыла ещё и эта мотоциклистка. Интересно, можно ли будет попросить у неё покататься на мотоцикле?

### 3

## Анита

Просторную комнату наполняло мерцание дрожащих огней. Подоконники украшали длинные белые свечи в серебристых канделябрах, а центр комнаты очерчивал круг свечей поменьше и восемь пёстрых подушек.

«Ценность себя, обретение глубокого смысла, исцеление своей сексуальности и конкретные приёмы для того, чтобы сделать вашу жизнь насыщенной и яркой».

Анита отложила программу ретрита, которую она знала почти наизусть. Именно обретение нового смысла волновало Аниту больше всего. После развода любой смысл, кроме детей, скрылся от неё из виду.

В кругу уже сидели три участницы, Анита аккуратно отодвинула подушку подальше из круга, не сильно заметно, но так, чтобы её не было в кругу, а она могла разглядывать остальных. Анита делала вид, что сосредоточена на мерцании свечей, а сама потихоньку разглядывала

участниц, старательно скрывая, что созерцание было её любимым занятием.

Справа сидела Женя, ещё в машине Анита заметила, что она была самой юной из всех участниц. На рыжеволосой девушке была широкая, на размера три больше, серого цвета байка. Кучерявые волосы девушки были собраны в неаккуратный узел. Было в ней что-то инфантильное: то ли выражение лица, то ли веснушки, усыпавшие нос и щёки, то ли ногти, короткие, видимо, обгрызенные, выкрашенные в салатный цвет, то ли то, как она сидела, натянув безразмерную байку на колени и положив на них голову.

С другой стороны от Аниты сидела женщина в роговой оправе, точнее, очки были в роговой оправе, но в целом создавалось ощущение, что это про неё целиком. Она держала спину настолько прямо, будто в неё всадили какой-то прут. Её Анита в машине не заметила, видимо, она приехала отдельно.

— Меня зовут Сара, — сдержанно улыбнулась женщина «в роговой оправе» и протянула руку.

Сара была вся такая собранная, подтянутая, и всё на ней было такое же: добротное и хорошо сделанное. От стильной оправы очков «Тиффани» до платья винного цвета с чётко заострённым чёрным воротником и обуви, кожаных серых балеток с глянцевыми острыми, такими же, как края воротника, носками.

Анита знала толк в таких вещах и могла быстро определить и качество тканей, и вообще всего того, что человек носил. Она любила моду, а как можно её не любить, если ты живёшь в самом стильном городе Италии. Хочешь не хочешь, начнёшь одеваться со вкусом или хотя бы мало-мальски разбираться в одежде.

Сама Анита давно хотела поменять свой, как выражались близкие подруги, «мышинный стиль». За время своего восьмилетнего замужества с Бруно Анита привыкла одеваться неброско и незаметно, так, чтобы, не дай бог, муж не разозлился из-за слишком высоких для его роста каблуков или слишком глубокого декольте.

Возле Жени в позе лотоса сидела экзотической внешности молодая женщина. У неё был тёмный цвет лица, но не тотально-чёрный, а смуглый. Тёмные, выше подбородка, волосы лежали крупными завитками, в больших карих глазах отражалось мерцание свечей. Женщина была одета в чёрный спортивный костюм и сжимала тонкими длинными пальцами цветастую шаль. На безымянном пальце левой руки Анита заметила обручальное кольцо. Этой смуглянки в машине с ними тоже не было, видимо, и она приехала самостоятельно. И Анита вспомнила, что именно она прощалась у ворот с маленьким ребёнком, рыдающим на руках у мужчины итальянской внешности. Наверняка она — вырвавшаяся на волю мама в декрете.

Анита принялась рассуждать, откуда могла быть родом эта красавица, Может, Эфиопия? Нет, цвет кожи был бы темней. Скорее всего, это Восток, Анита так увлеклась географией, что не заметила, как рядом с ней бесшумно уселась Женина мама, имя которой Анита благополучно забыла.

Небольшого роста, с куцым хвостиком, крохотными золотыми серёжками-ягодами, бледной кожей, местами покрывшейся пигментными пятнами, особенно на руках и шее, она показала Аните аккуратной, чистенькой, от обуви, плетёных коричневых балеток, до небольшой сумочки в тон балеткам, которую прижимала к себе, то и дело трогая круглую металлическую застёжку. На ней были синие брюки и белая блуза с синей каймой на воротнике и рукавах. Сначала женщина суетливо искала место, Аните показалось, что она хочет сесть рядом с дочкой, но та — опять же, возможно, это показалось ей — как-то нахмурилась, и женщина, семеня, направилась в сторону Аниты. Она села рядом, открыла сумочку и достала оттуда пачку с салфетками, вынула одну и высморкалась. Сморкалась она нешумно, деликатно, словно боялась побеспокоить кого-то своим звуком. Она положила салфетку обратно в сумочку и только тогда заметила сидевшую рядом Аниту.

— Меня зовут Оля, — произнесла она тихо, — в машине я не представилась.



Анита хотела было заговорить с ней, но внезапно в комнату ворвалась та мотоциклистка. Короткие шорты, поджарые, без единого жирка ноги, надо же, такое и правда бывает не только в фильмах, и полотно татуировок, на икрах, голени и щиколотке, из иероглифов, дельфинов, морских волн и черепов. Тяжёлые ботинки, майка с бахромой, чуть оголявшая накачанный пресс, глубокое декольте, выглядывавшее из-под чёрной куртки-косухи с металлическими кнопками и вставками. Чёрные стрелки, пирсинг в правой ноздре, пирсинг в брови, яркие красные губы. Она перекатывала от щеки к щеке жвачку.

— Чао! Я — Регина, — чавкнула она, надув пузырь, и шмякнулась на подушку. Потом убрала подушку и села на паркет, скрестив ноги, так что всем стало видно её чёрное нижнее бельё.

Глаза у Регины были зеленющими, такими, что Анита была уверена, что это линзы. Эта женщина была настолько сексуальна, вызывающе привлекательна, что Анита не могла оторвать от неё глаз.

— Смотри не влюбись. — Регина подняла на Аниту глаза, хлопнула чёрными длинными ресницами, показав жирные идеальные стрелки, и засмеялась.

Анита засмушалась, перестала пялиться, хотя, когда Регина не видела, старалась хотя бы чуток подсмотреть за её жестами, позой и тем, как та вела разговор.

— Привет, девочки! — заявила видная блондинка. Она стремительно забежала в комнату и так стремительно устроилась около Сары, что та моментально втиснулась в стену. — Меня зовут Маша, — представилась она.

Маша не была ни толстой, ни крупной, она была заметной. Всего в ней было много: большая грудь, пухлые губы, густые волосы, даже шёлковое платье с крупными воланами и юбкой клёш.

В машине на Аниту Маша произвела неоднозначное впечатление.

Когда Анита сказала, что гордится своей белорусской стойкостью, имея в виду, конечно, всё то, что ей пришлось пережить во время развода, Маша повернулась и выдала:

— Ой, да ладно, тоже мне, нашла стойкость. Анита сразу напряглась.

— Стойкость, — продолжила Маша, взмахнув своими коровьими ресницами, — это когда ты живешь в девяностые в Гольяново и смотришь каждый день на героиновые рожи. Вот бы ты пожила в таких условиях, потом бы говорила.

Анита хотела сказать про то, что Маша только что обесценила её опыт, но сдержалась. Ей показалось, что Маша бы просто не поняла, что именно она имеет в виду под «обесцениванием опыта».

Маша сразу же закидала Сару вопросами, что-то уточняла, Сара отвечала скупой и односложно. Маша вообще очень много говорила. Делала это

быстро и громко, время от времени прерываясь на громкий смех. Она закидывала голову назад, смеялась, потом возвращалась к разговору, голос у Маши был с хрипотцой, словно прокуренный, и, как оказалось позже, она действительно курила.

Заметив, что Сара общаться не жаждет, Маша переключилась на Олю, но так как ей пришлось говорить через Сару, Маша бесцеремонно попросила Сару пересесть, что Сара сделала с большим удовольствием.

Однако в какой-то момент замолчала даже Маша.

В комнате появилась она. И все поняли, кто ЭТО. Если бы это был фильм или сказка, то в этот момент её окружала бы свита из волшебных существ: фей или гномов.

## 4

### Сара

В том, как несла себя Лейла, в том, как выглядела, было что-то сказочное. Большие, чуть раскосые глаза, высокие, но не слишком, скулы, выдававшие щепотку азиатских генов, длинные струящиеся волосы тёмного цвета, средний рост, шёлковая пёстрая длинная юбка, выглядывающий плоский живот с блестящим пирсингом. На запястьях Лейлы поблёскивали металлические браслеты, на груди мерцал кулон в форме глаза.

Она несла себя именно так, как полагается гуру: с огромным достоинством, с таким видом, который, наверное, и называется осознанностью.

Лейла была невероятно красивой. Аккуратные, чуть пухлые губы, тонкая талия, идеальной формы и размеров грудь и бёдра. Казалось, это женщина была выдумкой талантливого художника, трудно было поверить, что она реальна.

Гуру сложила руки в ладони на груди, слегка поклонилась и произнесла: «Намастэ».

— Приветствую вас, мои дорогие женщины! — сказала Лейла воодушевлённо и развела руки в стороны. — Я благодарна каждой из вас за то, что вы доверились мне, приехали, чтобы начать уникальный путь пробуждения вашей истинной женской природы.

Лейла так и светилась от счастья. Неужели она и правда так рада их видеть? Сара в принципе настороженно относилась к слишком страстным людям, к таким вот, проживающим жизнь с энтузиазмом, было в них что-то фанатичное и пугающее.

Лейла начала медленно вращаться вокруг своей оси, останавливаясь перед каждой женщиной, вглядываясь в их глаза.

— Вы смелые и настоящие, потому что решили не ждать, не терпеть, а начать жить только свою жизнь.

Последнюю фразу Лейла почти выкрикнула. Похоже, она именно такой человек. Страстный энтузиаст. Сара не ошиблась.

— Милые мои, — произнесла Лейла более нежно, — эти десять дней мы посвятим тому, чтобы пробудить вашу сексуальность. И я хочу спросить у вас, а что такое, по-вашему, сексуальность? Для чего она вам?

Лейла зашелестела своей длинной юбкой, двигаясь по кругу, остановилась напротив Маши.

— Соблазнять, — промурлыкала Маша и захихикала.

Лейла улыбнулась и остановилась напротив черноволосой в татуировках, посмотрела на неё внимательно, ожидая ответа.

— Это наше главное оружие, — хмыкнула та.

Сара озадаченно нахмурилась. Неужели этот ретрит и правда про соблазнение и всё такое, что казалось Саре архаичным и совершенно несовременным.

Лейла вернулась к Маше и впиалась в неё взглядом. Он был у Лейлы пронизывающим, словно на тебя смотрел не человек, а космическое создание, от её взгляда становилось не по себе. Сара ещё сильнее укуталась в песочного цвета шаль, смесь шёлка и кашемира.

— Я хочу, чтобы вы, мои дорогие, перестали быть объектом наслаждения, а сами начали коллекционировать эти объекты, — Лейла произносила слова и плавно шла по кругу, — объекты, предметы, впечатления и явления, одним словом, всё то, что может подарить вам удовольствие.

Сара с облегчением вздохнула. Слова про объекты ей понравились, достаточно завуалированно и концептуально.

Все так же не торопясь, словно перетекая по комнате, Лейла подошла к компьютеру на столе, дотронулась до клавиш, и пространство наполнилось нежной песней на шушукающем португальском языке. Лейла вернулась в круг, на мгновение замерла и начала танцевать: качнула бёдрами, руки её взлетели вверх, и она начала гладить свои волосы, ласкать шею, дойдя до груди, Лейла страстно сжала её.

Сара готова была провалиться сквозь землю. Она надеется, их не заставят делать то же самое.

— Сексуальность — это и оружие, и сила, но прежде всего — это энергия, — произнесла Лейла и теперь уже не просто сжала грудь, а стала потрясывать её.

Музыка заиграла ритмичней, и Лейла начала двигаться быстрее, но не настолько быстро, чтобы потерять свою великолепную пластичность и текучесть.

— И не просто энергия, а женская энергия.

Лейла продолжала двигаться, и Сара незаметно для себя стала покачиваться в такт музыке.

— Женская энергия — сильная, — и Лейла взмахнула волосами, — она моо-о-ощная, — прокотала она и, расставив широко ноги, согнула колени, сделала глубокое приседание, — это

энергия жизни и созидания. — И на последнем слове Лейла опустила руки с живота на промежность и сжала её.

Сара стыдливо опустила глаза. «Ну а что ты хотела, припёрлась на сексуальный ретрит, вот и получай». Всё же она не на конференции по финтеку. Финтек — сектор, в котором Сара работала последние десять лет, причём довольно успешно. За полгода до этого мероприятия Сару назначили ответственной за маркетинг всего восточноевропейского региона. Она, конечно, будет стараться не читать рабочие сообщения, но не может этого гарантировать. Сара надеялась, что вайфай здесь ловит прилично.

Музыка закончилась. Лейла, прерывисто дыша, откинула волосы на спину, села на подушки и отпила глоток воды из хрустального бокала, стоящего рядом.

— Я чувствую сомнение в глазах некоторых из вас, милые, кто хочет высказать их прямо сейчас, давайте, доверьте свои мысли нашему женскому кругу — здесь место вашей трансформации и активации эротической мудрости.

Сара еле сдержалась, чтобы не засмеяться. Какой-какой мудрости?

Женщина с каре напротив Сары робко подняла руку.

— Анита, дорогая, слушаю тебя, — произнесла гуру.

— Я... не уверена, что хочу усиливать свою женскую энергию ради мужчины... — пробормотала она.

Лейла расхохоталась. Она смеялась звонко, как ребёнок, так, что даже Сара не сдержала улыбки.

— Разве я сказала, что мы должны делать что-то для мужчин?

Лейла глубоко вздохнула, её лицо приняло серьёзное выражение.

— Милые, сексуальная энергия — это энергия жизни. Долгое время нас, женщин, убеждали в том, что сексуальность нужна для кого-то, так? Или говорили нам, что это пошло, вульгарно, да?

И она впиалась взглядом в Сару, и та почувствовала, как краснеет её лицо.

— Нас убеждали в том, что сексуальность равно отдавать своё тело, чтобы заполучить что-то взамен... — Лейла остановила свой взгляд на Маше.

Та заёрзала на подушке.

— Нам внушали, что сексуальность — это опасно, что, если выпустить наружу этот огонь, он сожжёт всё вокруг, уничтожит, и мы заперли его, спрятали в самые отдалённые, подвальные помещения нашей души. Завернулись в халат, сели у печи и забыли, кто мы на самом деле. — Все эти слова Лейла произносила мягко, но чётко и уверенно, так, что не было и тени сомнения в их правдивости.